

## Алёшенька

Стук в дверь в двенадцать часов ночи не предвещал ничего хорошего. Открывать не хотелось. Но дальше делать вид, что он спит и ничего не слышит, Вершинин не мог — сбегутся соседи. Пришлось, громко и недовольно вздыхая, идти навстречу незваному гостю.

Через открытую дверь в квартиру, подобно тропическому шторму, ворвалось нечто несущественное, метущееся и, вполне вероятно, опасное. С первого же взгляда Вершинин узнал в комке бьющих через край человеческих эмоций прежде тихого и приятного в общении профессора органической химии, весьма известного в узких, но высокооплачиваемых кругах. Добиться беседы тет-а-тет с профессором мечтали многие. Но он, как правило, ссылался на чрезмерную занятость и отказывал. А тут пришёл сам! Но Вершинин не чувствовал радости или даже чего-то похожего на триумф: его пугали энергия, с которой профессор тряс его за отвороты халата, бешено вращающиеся глаза и крики на весь подъезд: — Где?! Где ты взял эти фотографии?!!

Баба Вера гуляла в лесу. Впрочем, прогулкой этот ежедневный поход можно было назвать весьма условно. С тех пор как она ушла от людей в тайгу, забота о хлебе насущном стала для неё тяжёлым и опасным промыслом. Картошка и свёкла расти на болотистой почве никак не хотели. Из хозяйства — только коза. Но одним молоком сыт не будешь. Вот и ходила она всё лето за грибами да ягодами. Когда находила побольше — сушила на зиму. Но часто возвращалась ни с чем: то ли искала плохо, то ли Бог её за что-то наказывал. Впрочем, сама баба Вера знала за что. Поэтому не роптала никогда. Принимала как должное. Всё. Даже волков, иногда выходящих из леса прямо к порогу её избушки.

В этот день баба Вера опять возвращалась домой с полупустой корзиной: три свинуха да пяток сыроежек — небогатый улов. Вдруг она услышала странный шум — то ли свист, то ли стон. Совсем рядом. Шагах в двадцати от неё. Вот опять... Жалобно так! Сквозь густой подлесок ничего не было видно. Пойти посмотреть? Боязно... Но любопытство пересилило страх, и она шагнула в сторону звука...

Маленький человек сидел на земле, сжимая руками рваную рану на ноге. Он вздрагивал всем телом, то ли от холода, то ли от ужаса. И вместе с этим каждый раз вздрагивала под его полупрозрачной кожей синяя венка, выталкивая наружу вместе с кровью силы, жизнь и надежду. Животное, ранившее его, отчего-то не нападало. Кружило неподальёку, принохивалось и ждало неминуемого финала...

Сквозь пелену забвения человек услышал крик, потом — звук, похожий на удар, потом — снова крик. Почувствовал, как кто-то бережно поднимает его с земли и куда-то несёт...

Баба Вера успела вовремя: волчица, помнившая не столько её, сколько её палку, отступила в тайгу. Перевязав рану на маленькой ножке платком, баба Вера что есть силы побежала домой, прижимая к груди самое дорогое, что у неё теперь было, — сыночка Алёшеньку.

Дома, едва промыв рану целебными настоями, припала к образу. И долго-долго молилась. Поверила, что Бог наконец простил её грех, послав второго ребёночка. В дар и в испытание.

Алёшенька был при смерти две недели. Но неустанными заботами и молитвой баба Вера выходила его. Вернула для себя и для жизни. Ещё через неделю Алёшенька встал. Потом смог ходить. А вскоре уже играл углём из печи, рисуя им на стенах избушки причудливые узоры. Научился петь песни... Это его занятие понравилось бабе Вере больше других. Она и сама в молодости была знатной певуньей. А теперь стала и песни-то забывать. Но с Алёшенькой — словно молодость вспомнила: посадит его на колени, погладит по мягким, словно пух, волосикам... И слушает, слушает, как он, бедняжка, поёт своим тоненьким голоском что-то печальное. Жаль, непонятно совсем, какие слова. А так подпеть хочется!

Прошло пять лет. Алёшенька так и не вырос. Даже наоборот, казалось, он стал ещё меньше. А баба Вера постарела и сильно сдала. Жила только мыслью о сыне. О том, что пропадёт без неё, горемычный, сгинет совсем... Но однажды и это не помогло... Легла на лавку и уже не вставала.

Ещё неделю душа бабы Веры стояла у выхода из брэнного тела. Топталась, переминаясь с ноги

на ногу. Но всё никак не уходила. Не пускали мысли о несчастном Алёшеньке. Как будет он здесь один, голодный, в нетопленной и грязной избе?

Когда, как это обычно бывает, силы ненадолго вернулись к ней, баба Вера встала, затопила печь, поставила в неё чугунок с нечищенной картошкой, смахнула со стены мокрой тряпкой часть узоров, нарисованных Алёшенькой, и тихо отошла в мир иной.

Алёшеньке не хватило сил вынести бабу Веру во двор. Пришлось хоронить её, присыпав землёй, прямо в избушке.

Алёшенька стоял над свежим холмиком и не мог понять своих чувств. Ему казалось, что он больше всего на свете ждал этого момента. Ждал с того самого дня, когда наконец понял, что сколько бы тайн Вселенной он ни раскрыл этой женщине, ей никогда не понять ни его рисунков, ни его языка. И она никогда не выпустит его из своей избушки, сколько бы он ни просил. Но теперь, вместо радости от наконец-то обрётённой свободы, он испытывал жуткую тоску и что-то ещё, что люди назвали бы горем. Ему казалось, что от него отрезали половину, возможно — лучшую половину. И зарыли её навсегда в этой груде земли и камней. Алёшеньке захотелось плакать. Навзрыд, со слезами — как баба Вера. Но ни он, ни кто-либо другой из его расы так не могли: не было ни мимических мышц, ни слёзных желёз. Поэтому всё, что он мог, — это только завывать своим тонким полусвистом...

Вершинин с подоспевшим соседом с трудом скрутили обезумевшего профессора. Потом — влили в него сто грамм коньяка. Подождали... Хотели повторить процедуру лечения, но пациент отказался, сославшись на большую печень и на то, что он «больше не будет». Вершинин поверил и попросил соседа оставить их наедине.

— Итак, профессор, чем же вас так заинтересовали мои фотографии? Да, и какие именно? У меня их много.

— Те, что вы привезли из своей последней экспедиции.

— А, картинки из избушки?

— Картинки?! Вы что, так и не поняли, что́ на них?

— Никто не понял. Какие-то примитивные значки. То ли иероглифы, то ли клинопись...

— Клинопись, иероглифы, значки... — передразнил профессор. — Сразу видно, что у геологов нормальных криптографов в штате не бывает! Это же — простейшая шифрограмма, написанная в восьмеричном коде! И привязка — ключик от шифра есть: через известную всем во Вселенной модель атома водорода и такую же знаменитую теорему Пифагора. Надеюсь, вы что-нибудь слышали о них?

— Надеюсь, это риторический вопрос? Так что же там написано, профессор?

— Там каждый находит что-то своё: физики — общую теорию поля; генетики — полную расшифровку днк; я лично — формулу панацеи... Но у всех у нас одна и та же проблема — это только половина закодированного текста. Скажите же, ради Бога, где вторая половина?!!

Ненастье, длившееся три дня, постепенно затихало. Ярость ушла. Сквозь разорванные облака уже пробивались первые солнечные лучи... Даже у сибирской природы силы были не безграничны. Теперь их хватало лишь на тихое завывание ветра и тончайшую пелену снежной взвеси, повисшую в воздухе. Эта пелена, опускаясь, превращалась в чудесную шаль. И ласково кутала всё то, до чего могла дотянуться: могучие кроны, подлесок и маленькую, вросшую в землю избушку, разрубленную на части столетней упавшей сосной.

## Анабиоз

Николай Петрович открыл дверь подъезда и замер в нерешительности. Холодный воздух, обдавая сыростью поздней осени, толкал обратно в надёжный уют тесной квартиры. Шаг назад. Молодец! Ещё... Нет, голод всё же сильнее. Немного сутулясь, он вышел на улицу. Хлопок двери оборвал китайские мелодии домофона, и Николая Петровича окружила тишина. Так уже лучше. К ней он привык.

«Кар-р-р-р!» Усталое-бесцветное взгляд встретился, скользнул вокруг и остановился, зацепившись за верхушку дрожащей осины. Так и есть, опять он! Принесла же нелёгкая! Ну что ты каркаешь? Что тебе надо?! Николай Петрович хотел бросить камень, но передумал, отвернулся и вдруг побежал, смешно подворачивая левую ногу.

Магазин. Очередь. Опять! Вечно злая продавщица привычно хамила, бросая на прилавок ломтик дешёвой колбасы. Он неумело огрызнулся, вызывая у покупателей приступы агрессивного безразличия. День продолжался.

Последняя ступенька оказалась слишком скользкой для стёртой подошвы. Он лежал и плакал. То ли от боли, то ли от обиды. Никто не подходил. Жизнь проплывала мимо, унося в своих водах случайных прохожих, а он, как всегда, был далеко от её берега. Глупо ждать помощи... Никто не придёт. Никогда не приходит...

Он встал сам. Мокрый, грязный, в порванном плаще... Конечно, сам. Разве могло быть по-другому?

То, что ему всегда не везёт, Николай Петрович решил много лет назад. Нет, не то чтобы сходили с рельс поезда, цунами смывали всё на своём пути или падал метеорит. Его несчастья были намного мельче. Почти незаметные, они отравляли жизнь, сковывая страхом неудачи. Пожаловаться было некому, да и на что? Развязался шнурок, и он упал

на линейке, вызвав смех всего класса? С кем не бывает! Застрял в лифте и безнадежно опоздал на первое свидание? Подумаешь, трагедия! Но с годами появилась боязнь. Потом — привычка всё перепроверять перед решительным шагом. Кто-то назовет это паранойей... Но нет, просто с каждым днём шажочки становились всё мельче. И однажды время остановилось. Не исчезло, так не бывает. Но оно коварно спряталось за зеркальной гладью холодного стекла. Только там Николай Петрович мог увидеть, как седеют его волосы, ветшает некогда сильное тело, и лицо покрывается морщинками, напоминающими своим узором маскировочную сеть. К счастью, мужчины редко смотрятся в зеркало. Особенно когда им уже некого ждать. А время... Его застывшие осколки так приятно разглядывать в старых фотоальбомах. Вас обнимает тепло уютного кресла, надёжные стены охраняют покой, а глаза жадно смотрят на тусклый глянец чёрно-белого прошлого, так похожего на вашу жизнь.

Только не надо замечать, что с годами фотографии становятся всё однообразнее. Но нет, отличия есть. С каждой страницей пустых мест за столом становится больше. Сжимается кокон. Уходят друзья. Иногда они возвращаются, сами не зная зачем, но ненадолго... И однажды вы понимаете, что навсегда бывает только одиночество. В этом нет вашей вины. Просто не везёт.

Он завернул за угол и облегчённо вздохнул: ворон улетел. Николай Петрович улыбнулся: несчастий больше не будет. Он легко добежал до подъезда, открыл дверь... и тут ему на миг показалось, что у него всё ещё впереди. Где-то в неясной дымке мелькнула дорожка к сияющему счастью. И он, впервые не испугавшись, пошёл по ней, шагая через две ступеньки.

### Боязнь высоты

Эр-2 проснулся, как всегда, очень рано. До начала работы оставалась ещё пара часов, но он не мог отказать себе в удовольствии встретить первые лучи умывшегося в море солнца. Каждое утро Эр-2 терпеливо ждал, когда на воде протянется от горизонта до его парка дорожка сверкающего золота. Тогда он находил плоский камушек и, примерившись, кидал его, стараясь, чтобы тот прыгал по волнам как можно дальше. Раньше дети со всего пляжа приходили посмотреть на искусство дядюшки Эра. Но теперь, наверно, им это надоело. Уже давно у старого андроида не было ни одного зрителя.

Роботы 208-й серии были универсалами. Они успешно работали на заводах, заменяли людей в шахтах, водили поезда. Некоторые даже снимались в кино и играли в театре. Сильное гибкое тело и тончайшая квазинейронная психика

Эров ставили их создателей на пьедестал творца. Но даже скала уступает ветру времени. И поднимающийся по длинной лестнице старик своей тяжёлой, шаркающей походкой совсем не походил на совершенство. Скрипели изношенные суставы, хрипели сервоприводы, ноги неуверенно ступали на пыльные ступеньки. Но Эр-2 очень любил детей, и, значит, он обязательно должен дойти до парка. До открытия остался час, и надо успеть проверить и включить все аттракционы.

Помощников у андроида не было. Но он вполне мог и сам справиться с работой. Вначале он подошёл к автомобильчикам. Проверка двигателей и электроники заняла всего несколько минут: всё в порядке. В глазах старика вспыхнула озорная искорка. Перепрыгнув через низкое ограждение, он подбежал к машинке. Та, узнав его, галантно распахнула свою дверцу. Обиженно загудели клапаны других автомобильчиков — сегодня была не их очередь. Эр-2 опустился на мягкое сиденье и с восторгом мальчишки, впервые севшего за руль, нажал на педаль. Довольная машинка закружилась в вальсе под тихую музыку шуршащих по стальному паркету колёс.

Помолодевший робот бегал от одного аттракциона к другому. Вся его жизнь прошла рядом с ними, и Эр-2 не мог себе представить лучшей судьбы. Дарить детям радость — что может быть прекрасней?!

Каждый шаг по дорожкам парка зажигал в его электронном мозгу картинки воспоминаний. Вот здесь он успокоил плачущего малыша, накормив его сладкой ватой. Тут — покатал на пони весёлую, рыженькую, как солнышко, девчонку. В этом тире так подкрутил проволоочки, что любой попадал в цель, и хозяину пришлось срочно привозить целый грузовик призовых игрушек для детей.

Внезапно Эр-2 остановился. В его голове холодом прокатило эхо тщательно стёртого воспоминания. Страх сковал его тело, хотелось бежать отсюда к тире, качелям, автомобильчикам. Куда угодно, только бы не подходить к последнему аттракциону парка. Робот с трудом поднял голову и немигающим, полным ужаса взглядом посмотрел на давно не крашенное колесо обозрения. На покосившемся от времени ободе скрипели, покачиваемые упрямым ветром, кабинки. Свисали не выдержавшие своего веса ржавые канаты, искрили обгоревшие давним ураганом провода. Эр-2 облегчённо вздохнул: аттракцион починить не удастся. Напевая весёлую песенку, андроид пошёл обратно. Стёртый им когда-то блок памяти отключил сигнал тревоги. Он ждал детей, и теперь только они занимали все его мысли.

Пятьдесят лет прошло с тех пор, когда дядюшка Эр последний раз поднимался наверх в смотровой кабинке. Тогда он ещё не боялся высоты. В тот день

робот, увидев город, понял, что дети больше никогда не придут к нему. Но безжалостное излучение нейтронной бомбы, убившее людей, не хотело замечать робота. Убитый горем, он проклинал своих создателей, подаривших ему такую ненужную теперь жизнь.

Эр-2 не смог отключить себя. Андроиды этой серии были слишком надёжны. Сильнейший электрический разряд лишь слегка повредил его мозг, позволив забыть о невыносимой боли.

Старый робот надувал воздушные шарики, украшая ворота парка. Всё было готово к открытию.

## Высший пилотаж

Не знаю, как с вами, а со мной редко случается что-нибудь неожиданное. Мой мир предсказуем, как краплёные карты. Вот сейчас, например, стоило мне подойти к финалу сражения с компьютерным супермонстром, как в дверь кабинета постучали. Вы спросите: а что здесь необычного? Да вот именно, что ничего! За дверью, конечно, моя секретарша. И, как всегда, ей что-то понадобилось, когда я только начал выигрывать! Впрочем, конечно же, это мелочи. Но уж очень мне хочется пройти этот уровень!

Я нажал на паузу, сдвинул брови и изобразил самое неприступное выражение лица, на которое только был способен:

— Войдите!

— Вениамин Павлович, к Вам посетители.

Да, она именно так и сказала: «К Вам», — с большой буквы. Редким даром искреннего прилюдного уважения Светочка владела в совершенстве. За что её всегда ценило начальство.

— Я занят!

— Но они очень настаивают, — Светочка развела руками, показывая, как сильно у посетителей желание встречи.

Одновременно этот жест означал пантомиму: «Всё что могла...»

— Ну хорошо, пусть заходят.

Внешность посетителей вызвала у меня странные ассоциации. Я вспомнил школу и учительницу истории, с увлечением рассказывающую о востании на броненосце «Потёмкин». Революционных матросов я представлял именно так: в потёртых кожанках и с винтовками за спиной. Воодушевлённые пролетарские лица дополняли картину абсурда. Я огляделся в надежде найти объектив скрытой камеры... Тщетно. Но дрожь в коленях немного утихла, когда я увидел портрет президента, висящий на стене. Уверенная улыбка и магический взгляд сделали своё дело, вернув меня в начало двадцать первого века из эры хаоса и репрессий.

— Чем обязан?

— Вениамин Павлович?! Придётся вам (на этот раз именно с маленькой буквы) пройти с нами!

— Вы кто?! Что вы себе позволяете? Никуда я не пойду...

— Придётся! — они грубо подхватили меня под руки и поволокли к выходу.

Чёрный воронек стоял прямо у входа. В его лакированных боках отражались «Мерседесы» и «Лексусы», но от этого антикварная машина выглядела ещё более угрожающей. На её фоне дорогие иномарки напоминали театральные декорации. А реальностью были открытые двери, в одну из которых в данный момент и заталкивали меня.

Автомобиль вырулил на проезжую часть и покатился по улицам Москвы. Вслед за ним куда-то плавно тронулся и мой рассудок. Оба медленно ускорялись. И я уже не удивился, когда где-то за МКАДом над нами зависла летающая тарелка. Момент телепортации на звездолёт тоже не вызвал изумления. Я был тих и спокоен, как монах буддийского монастыря.

Меня посадили в удобное кресло, вложили в руки набалдашник гибкой палки, торчащей из пола, показали какую-то звезду в иллюминаторе и сказали:

— Вперёд!

Я потянул за рычаг. Тарелка отозвалась послушным кульбитом. В этот момент взрыв гордости разметал последние островки разума. Дальнейшее я помню неточно. В память врезались лишь добрые слова матросов, когда мы падали на Луну. Правда, смысл некоторых из них мне до сих пор неясен. Но это был точно русский язык. Самый сильный язык во Вселенной.

Я очнулся в своём кабинете. Любимый стол, кресло, компьютер и даже монстр — всё было на месте. По сценарию, видимо, я должен был произнести фразу: «Ну и сон же мне приснился!» Но не успел. В дверь постучали...

На этот раз они подготовились лучше: кожанки сменили серые костюмы, воронек уступил своё место «Волге». Правда, утрюмые лица и обречённая одержимость бессмысленной целью остались прежними. Как и летающая тарелка за МКАДом.

Первый урок пилотирования явно пошёл мне на пользу. Нам удалось долететь до пояса астероидов, прежде чем я услышал знакомые словосочетания, глубиной корней уходящие в мою материнскую линию.

Очнувшись в очередной раз, я двумя щелчками мышки добил супермонстра. Вот что значит пилот звездолёта! Когда вошли гости, я улыбнулся им как родным и предложил выпить чая. Они отказались.

— Понимаю. Очень спешите... Но всё же один вопрос, перед тем как мы опять начнём своё путешествие: зачем вам всё это?!

Они уже волокли меня мимо испуганной секретарши, но вдруг, переглянувшись, остановились. Один из них обнял меня, похлопал по плечам и даже пустил скупую мужскую слезу. Видимо, общая беда сближала нас всё теснее.

— Крепись! Мы только в начале пути!

От этого объяснения легче мне не стало. Ноги подкосились и уже не чувствовали, как их тащат по ступенькам мраморной лестницы. Мои похитители, похожие в этот раз на людей в чёрном, снова стали безучастны к моей судьбе. И не проронили ни слова, пока огромный джип мчался на встречу с инопланетным кораблём.

Где-то на двенадцатый раз, когда я освоил технику пилотирования настолько хорошо, что звездолёт смог долететь до Плутона, мне опять удалось разговаривать своих товарищей по несчастью. Видимо, в душе у них накопилось немало, и слова сами просились на свободу. Нужен был лёгкий толчок. Так или иначе, но они с готовностью подбежали ко мне и разрешили спрашивать о чём угодно, только бы я не стучал больше кулаком по пульта управления.

— Итак, почему я здесь?

Они начали издалека. Рассказывали о просторах Галактики и радостях межзвёздных полётов... Но после пары хаотичных рывков штурвала разговор стал более конкретным.

— Вы победили в конкурсе!

— В каком ещё конкурсе?!

— В межгалактическом конкурсе на самое идиотское желание.

— Не помню, чтобы я мечтал о похищении инопланетянами...

— Нет, конечно! Но три месяца назад, просматривая трансляцию соревнований по синхронному плаванию, вы сказали буквально следующее: «Вот сейчас бы бросить все дела, отключить мозги и слетать к русалкам! Ух, я бы поиграл с ними в водное поло на раздевание!» Русалкам из созвездия Водолея очень понравилось ваше желание, и они дружно голосовали всеми плавниками за вашу победу в конкурсе. Так что держите крепче штурвал и отключайте мозги. Поехали!!!

### Гипнотическое «мур-р-р...»

Сергей возвращался домой. Позади были трудный, наполненный бессмысленными аврами рабочий день, шумный обманчиво-дружеский вечер и половина пока ещё тёплой, но уже слишком длинной в своей темноте осенней ночи.

В подъезде, как обычно, свет горел лишь на площадке первого этажа. Пробираясь на ощупь по лестнице, Сергей вспугнул какую-то парочку. Они

вспорхнули, словно невесомые тени, перелетели на пару пролётов и незримо затихли, окончательно растворившись в темноте очередного угла.

«Пугливые, молодые ещё...» — с завистью подумал Сергей. Сам-то он уже не мог вспомнить, когда в последний раз целовался в подъезде.

«Мяу!...»

От неожиданности Сергей вздрогнул. Потом, громко выругавшись, чтобы скрыть постыдное эхо испуга, наклонился к лежащему у его порога маленькому пушистому комочку.

Уже на кухне, дожидаясь, пока этот медлительно-непонятливый человек нальёт молока, комочек, грациозно потянувшись, начал первую фазу своего волшебного превращения. К тому моменту, когда Сергей всё-таки нашёл блюдце, достал из холодильника пакет молока, налил одно в другое и наконец обернулся, перед ним сидела совсем юная, но уже явно знающая цену себе и своей красоте чёрная кошка. Искрящаяся шерсть, голубые глаза и выточенная по идеальным лекалам фигура — наверное, так должны были выглядеть божественные кошки Египта.

Сергей едва не выронил блюдце. С открытым от изумления ртом он, словно соляная столб, застыл около холодильника. Кошка, очевидно довольная произведённым эффектом, подошла к нему и, ласково потеревшись о его штанину, промурлыкала: «Мур-р-р...»

Изменения в жизни человека редко происходят мгновенно. Обычно они собираются, подобно песчинкам, в неизвестном и тайном для человека месте, чтобы потом вдруг совершенно неожиданно обрушиться на него, словно лавина. Так было и с жизнью Сергея. Он долго не замечал, как она разделяется, рвётся неровным зигзагом на две половины. В одной оставались работа, друзья и даже любимая девушка. В другой — дом и кошка. Половинки отдалялись друг от друга, как дрейфующие по воле течений острова в Саргассовом море. А Сергей никак не мог выбрать, на какой из них хочет остаться.

За него выбор сделала кошка. Однажды она заболела. Так сильно и так надолго, что о Сергее, по зову сердца превратившегося в заботливую сиделку, постепенно стали забывать все, кто знал его раньше. Дольше всех о нём помнила девушка. Она даже пыталась бороться... Но ушла и она, навсегда скрывшись за пеленой плачущего о чём-то дождя.

Кошка пошла на поправку. Вскоре она окончательно выздоровела, стала ещё прекраснее и ещё сильнее полюбила Сергея.

Теперь они стали почти неразлучны. Лишь иногда, когда в холодильнике совсем кончалась еда, Сергей выходил из квартиры. Спрятав отвыкшие от яркого света глаза за тёмными стёклами очков,

укрывшись от ветра длинным плащом с капюшонам, он бежал в магазин. Из окна за каждым его движением ревниво, но с горделивым достоинством наблюдала кошка.

Однажды, где-то среди зимы, Сергею приснилась потрясающей красоты девушка. С длинными, гладкими, искряще-чёрными волосами. Она то прижималась к нему своим тёплым и тонким станом, выгибаясь, тянулась куда-то ввысь, маня за собой, то, оттолкнув, не давала к себе прикоснуться.

Сон был настолько реален, что Сергей, проснувшись утром в своей одинокой и холодной постели, ещё долго лежал в ней, крепко сжимая глаза, слушая часто и гулко бьющееся сердце и тихо подвывая ему в унисон.

Его успокоила кошка. На мягких лапах она вошла в спальню. По-хозяйски запрыгнула в постель. И, свернувшись клубочком на его груди, запела свою любимую песню: «Мур-р-р...»

В начале весны кошка родила четырёх прелестных котят. Сергей позвал ветеринара, чтобы тот осмотрел их. Но кошке это явно не понравилось: Сергей с трудом удерживал её шипящее, извивающееся и оскалившееся тело, пока ветеринар выполнял свои процедуры. Успокоилась кошка, лишь когда он ушёл. Но всё же она утащила котят за угол дивана и Сергея больше к ним не подпускала.

Прошёл месяц. Сердце Сергея разрывалось от ревности. Кошка тоже явно страдала, но выбрать между своими детьми и хозяином никак не могла. Но однажды ночью она всё же пришла и бросилась к нему в ноги. Выбор был сделан.

Кошка больше не подходила к котяткам. Сергей, выждав несколько дней и убедившись, что она не против, дал объявление о продаже котят. Кстати, они все оказались кошками.

Прошло несколько лет. Соседи, всё реже встречавшие бредущего к магазину Сергея, с трудом узнавали его: он сильно сдал, сторбился, похудел, словно высох. Но даже те, кто узнал его, торопились пройти мимо. Всем своим существом они чувствовали обжигающий ревностью взгляд из окна.

Ещё через год Сергея похоронили. В дешёвом, не обитом ничем деревянном гробу, на самой далёкой окраине кладбища. В бесконечность он уходил без церемоний и без слёз. Бесплатно. За счёт государства.

На девятую ночь к нему пришла кошка. Села на холмик... Вытянулась...Свернулась калачиком в последний раз у него на груди...

Под утро кошка ушла. Красивая, молодая и гордая. У её ног лежал целый мир. И она пока не решила, кому следующему скажет своё гипнотическое «мур-р-р...»